

ИЛЬЯ КОГАН

КОРНИ МОЕГО ДРЕВА

Первую свечу я зажигаю в память о моем отце, Григории Абрамовиче.
Он был родом из Александрии.
Но не той, египетской, а той, что в степи под Херсоном...
Он прожил восемьдесят семь лет и похоронен в Москве, на Востряковском кладбище.
Мир праху его!

Моего деда звали Абрам-Мойше.
Он владел фуражной лавкой в той же неегипетской Александрии.
В двадцать девятом году его захотели раскулачить.
Дед оказался шустрее: вместе с моей бабушкой, Златой Семеновной, и многими детьми бежал в Москву.
Все они покоятся на Востряковском кладбище.
Мир их праху!

Третью свечу я зажигаю в память о моем прадеде.
Стыдно сказать, но имени его не знаю.
Сейчас спросить не у кого, а в свое время не догадался.
Но он жил – где-то на Украине... где-то в середине девятнадцатого века...
Пусть покоится в мире!

Жили-были и те, в чью память я зажигаю четвертую свечу... пятую...
шестую...
Жили-были - вот и все, что я о них знаю.
Могу только догадываться, что в моем роду были и мелкие торговцы, и искусные ремесленники, и ученые знатоки Торы, и даже математики и поэты...
Они жили на Украине и в Польше...
В Германии и Голландии...
А еще раньше – в Испании...
А еще раньше в Аравии и Египте...
А еще раньше – под золотыми звездами Иерусалима...

Цепочка свечей ведет меня по коридору времени.
Шестьдесят вторая горит в дни разрушения Храма...
А семьдесят пятая - за двести пятьдесят лет до нашей эры.
Кем он был – мой семьдесят пятый предок?
Может быть, Элиягу?
А почему бы и нет?
Мудрый старец Элиягу жил как раз в это время.
И история, связанная с ним, называется

С Е П Т У А Г И Н Т А .

СЕПТУАГИНТА

Правил в те годы Египтом царь Птолемей Филадельф.
Он славился своей мудростью и любовью к наукам.
При его дворе в Александрии был создан величайший в мире музей.
Каких только книг, картин и скульптур там не было!
Все лучшее всех времен и всех народов!

И вот однажды Птолемею донесли, что у иудеев, маленького народа, бывшего частью его империи, имеется замечательная, прекрасно написанная книга, которую сами иудеи считают священной.
Предание рассказывает, что Птолемей тут же написал письмо иерусалимскому первосвященнику Элеазару и попросил прислать подлинник священной книги.
А вместе с ним сведущих людей, способных перевести еврейскую книгу на греческий язык.
Элеазар исполнил желание Птолемея.
Он отправил в Александрию семьдесят выдающихся знатоков Торы, которые к тому же прекрасно владели греческим языком.
Ну и конечно же, подлинник Торы.

Переводчики удостоились блестящего приема.
«Тот день, в который они явились к нему, - рассказывает Иосиф Флавий, - царь обещал обратить в праздник, и, на самом деле, в течение всей его жизни этот день считался таковым».
А перед торжественной трапезой царь отпустил греческих жрецов и предложил одному из приглашенных иудеев, священнослужителю Елиссею (так Флавий на греческий манер называет Элиягу), произнести молитву.
«Елиссею, - рассказывает дальше Иосиф Флавий, - выступил вперед и помолился, присоединив к молитве благословение царю и всем его подданным».

Ученым иудеям отвели дворец на острове Фарос, недалеко от Александрии, и там, в полной тишине, они начали свой труд.
Предание добавляет, что каждый переводчик получил отдельную комнату и не мог общаться в процессе работы с другими переводчиками.
Это касалось и Элиягу.
Но одиночество не тяготило его.
Конечно, логически выверенный язык эллинов был суше вдохновенного языка Торы.
Но слова ее были наполнены такой энергией!
Она сметала стены маленькой комнаты и уносила Элиягу в бесконечность Вселенной – к дням Сотворения мира...
И он оглядывал этот мир изумленными очами первого человека...
И вдыхал ароматы Эдема...
И плакал горячими слезами изгнания...

Он был Авелем, убиваемым братом...
И Лотом, бежавшим без оглядки из испепеляемого Содома...
И Ноем, чудесно спасаемым из волн Потопа...
И праотцем Авраамом, ведущим свой народ из Ура Халдейского в землю Ханаанскую...

Семьдесят два дня трудился Элиягу, - говорит предание.
А на семьдесят третий день вместе с другими переводчиками представил свой труд царю.
Сначала Птолемей слушал Книгу как собрание прекрасных легенд.
Как еврейские «Одиссею» и «Илиаду»...
Но когда речь дошла до Моисея...
До встречи с Богом на горе Синай...
До Закона, дарованного Иудеям...
Снова и снова заставлял царь повторять слова Десяти Заповедей...
- Почитай отца твоего и мать твою, чтобы продлились дни твои на земле.
- Не убивай.
- Не прелюбодействуй.
- Не кради.
- Не желай дома ближнего твоего; не желай жены ближнего твоего, ни раба его, ни вола его, ни осла, ничего, что у ближнего твоего...

Разумеется, человеку эллинской культуры не все было одинаково близко в Кодексе Моисея.
Он с трудом воспринимал идею равенства всех перед Законом.
Он не соглашался с мыслью о всеобщей ценности человеческой жизни.
Любой жизни: свободного или раба...
Но что-то задевало струны его сердца в преждевременном и наивном призыве:
- Люби ближнего твоего, как самого себя.

Думал ли Птолемей, что спустя столетия именно эти слова и именно на его родном, греческом языке будут звучать в храмах Сирии и Египта...
Византии и Киевской Руси.
Преждевременно и наивно:
- Люби ближнего твоего, как самого себя.

Предание говорит, что когда сравнили перевод, сделанный Элиягу, с другими переводами, оказалось, что все они совпадают – слово в слово!
Впоследствии этот перевод получил название «Септуагинта» – то есть «Книга семидесяти».

ОСТАТЬСЯ ЕВРЕЯМИ

Следующая моя свеча горит спустя триста лет.

Девятого числа месяца ав семидесятого года Тит штурмом взял Иерусалим.

Какой-то римский солдат, взобравшись на стену Храмовой горы, бросил горящий факел внутрь Храма.

В несколько мгновений святилище было объято пламенем.

Иудея была разгромлена и народ ее покорен.

Казалось, судьба евреев решена.

Их историческое время подошло к концу.

Но...

Случилось чудо.

Утратившие родину, рассеянные среди племен, говорящих на чужих языках и поклоняющихся чужим богам, евреи пережили и греков и римлян.

Откуда же взялась та внутренняя духовная сила, которая позволила им сохранить себя,

ОСТАТЬСЯ ЕВРЕЯМИ .

Разгадка таилась в заколоченном гробу, тайно вынесенном из погибающего Иерусалима.

В гробу томился крайне изможденный, но живой мудрец и ученый раввин Иоханан Бен Заккай, которого я выбираю своим предком.

В память его горит шестьдесят вторая свеча...

Бен Заккай пережил все ужасы осады.

Он голодал и болел.

Он видел римские кресты за городскими стенами и слышал крики распятых.

Но сильнее физических мук и страха было предчувствие неминуемой катастрофы.

Падение Иерусалима означало изгнание евреев, рассеяние, гибель еврейской общины Иудеи.

Неужели нет выхода?

В том- то и дело, что в уме и сердце старого рабби давно созрел тайный план спасения.

Он видел свет.

Он знал, какими путями должен идти народ, чтобы сохранить себя.

И готов был указать эти пути.

Но для этого нужно было вырваться из осажденного города...

Темной ночью, за городом, верные ученики вскрыли заколоченный гроб.
И наутро перед римским полководцем Веспасианом предстал старый
бородатый еврей.

«- Я пришел объявить пророчество и изложить просьбу», - сказал он.
Моему предку разрешили говорить.

И он предсказал, что грозному Веспасиану предстоит вскоре стать
римским императором!

«-Когда это сбудется, - попросил Бен Заккай, - разреши мне основать в
каком-нибудь городке Иудеи небольшую школу. Там, в тишине и
спокойствии, я буду толковать своим ученикам еврейские законы и
предания...»

«- Быть по сему! – повелел Веспасиан. И добавил: - Если пророчество
исполнится!..»

И оно исполнилось.

В шестьдесят девятом году сенат предложил Веспасиану римский трон.
Суеверный император сдержал свое обещание.

В маленьком городе Явне Иоханан Бен Заккай основал первую иешиву –
еврейскую религиозную школу.

Здесь, вместе с немногими учениками, он положил начало новым
правилам еврейской жизни – жизни в рассеянии.

Мы должны унести Израиль с собой! – учил мой далекий предок.
Где соберется вместе десяток еврейских мужчин, - там и будет их
Иерусалим.

Там – вместе молиться, вместе решать свои дела, вместе делить радость и
горе.

Там – жить общиной.

И не дать превратить себя в рабов!

В Риме, рядом с Колизеем высится знаменитая арка Тита.

На ее барельефах изображено шествие пленных евреев.

Их провели в цепях по улицам и площадям имперской столицы.

А потом каждому назначили его судьбу.

Кого – в рабы.

Кого – в жертву львам на аренах цирков.

А кого – вниз головой с Тарпейской скалы...

Кто погиб – тот погиб.

Но кто был продан в рабство – не долго страдал.

Римские евреи хорошо усвоили первое правило выживания.

- Каждый еврей – страж брату своему, а все евреи – братья друг другу.

Не могут братья допустить, чтобы хоть один из них был рабом.

Община обязана выкупить его!

И снова пели победные трубы.

И по ревущему Риму вели пленных евреев.

И снова община выкупала их.

Потому что каждый еврей сторож брату своему.
А все евреи братья друг другу.
И где собирались вместе десять еврейских мужчин, там и был их Иерусалим.

Они вместе молились в еврейском квартале Рима.

Они делили радость и горе на знойных улицах Малаги и Кордовы.

Они жили маленькой Иудеей в тесных закоулках Витебска.
Две тысячи лет они берегли еврейскую общину.

В Праге, в здании еврейской Ратуши, висит древний колокол.
Он помнит старые времена.
Когда-то его звон звал людей на собрание и молитву.
И на традиционное чтение Торы.
Бессмертные слова звучали под сводами синагоги.
Одинаково родные для всех ее прихожан.

Такой Дом молитвы – синагога – был не только в Праге.
Он был обязателен для любой еврейской общины.
Так же как еврейский суд.
Еврейская школа.
И еврейские налоги.
Которые как раз и шли на содержание синагоги, суда и школы.
И на помощь нуждающимся.

В Праге, так же как в Риме, Малаге и Витебске, помнили:

ни один член общины не должен жить впроголодь.
Самый бедный обязан помогать тому, кто беднее его!

ни один член общины не должен оставаться неграмотным.
Это нужно для того, чтобы спасти язык Торы от растворения
среди сотен чужих языков и наречий.
Профессия рабби – учителя – самая привлекательная и почетная!

Так учил мой предок Иоханан бен Заккай.

Он похоронен где-то возле израильского города Ашкелона.
Там, где вечно шумит море.
И вечные звезды сливают свой свет в ровное сияние Млечного пути.

Один человек – не остров, существующий сам по себе.

ГОВОРИ, ИУДЕЙ!

Сорок четвертая свеча горит в память о моем предке из Аравии.

Караван шел из Мекки в Дамаск.
Когда наступала ночь и стреноженные верблюды тихо брнчали бубенцами,
чернобородый водитель каравана подбрасывал в костер порцию саксаула и не то просил, не то приказывал: - Говори, иудей!

Евреи бежали в Аравию после разрушения Иерусалимского храма.
Здесь они разводили скот, сажали финиковые пальмы, строили города в оазисах возле источников воды.
Они ввели в Аравии календарь.
И основали в Медине, которая тогда звалась Ясрибом, духовную Академию.
Арабы уважительно называли их «людьми Писания».

Евреи и арабы вместе занимались торговлей.
Купеческие караваны везли золотой песок и слоновую кость из Африки...
Ткани, оружие и зерно из Сирии...
Шелка из Китая...
Вкладывать деньги в торговлю было так выгодно, что даже женщины не гнушались этим.

Конечно, богатая вдова Хадиджа сама не водила караваны.
Ее делами занимался приказчик – молодой араб Мухаммед.
А у него были помощники – еврей Абдалла ибн Салам и Мухнарик.

Караваны шли долго, неспешно.
За день проходили путь от колодца до колодца.
А вечером, напоив верблюдов, погонщики усаживались у костра и чернобородый Мухаммед не то просил, не то разрешал: - Говори, иудей!
И Мухнарик говорил...

Трещал саксаул в костре.
Взлетали искры.
И пламя отражалось в глазах Мухаммеда.
Он слушал историю о прекрасном юноше Иосифе, проданном братьями в Египет...
О том, как благодаря своему чудесному дару – умению разгадывать сны – Иосиф стал правителем всего Египта...

В другую ночь Мухнарик рассказывал о юном пастухе.
И снова Мухаммед не отрывал глаз от пламени костра.
Словно там, в сердце огня, он видел мальчика, нашедшего в себе силу и мужество.
Мальчика – победителя Голиафа.

Давида – царя Израиля...

Был день... И был вечер...

Искры костра улетали в звездное небо.

И Мухаммед разрешал: - Говори!

И мой предок Мухнарик рассказывал о славном воине Иегуде по прозвищу Макковой – «Молот».

Он поднял евреев на восстание против греков.

С кличем «С нами Бог!» маленькое еврейское войско бросилось на врага и освободило Иерусалим...

И почти каждую ночь Мухаммед просил: - Говори о пророках!

Он готов был снова и снова слушать истории об Аврааме – общем предке евреев и арабов.

О Моисее, научившем народ жить по Закону.

Об Амесе, Исае, Иеремии и Иезекиле – хранителях веры.

Учителях праведности.

- Это были Божьи посланцы, - говорил Мухнарик.

Через них Бог обращался к людям.

Ночь за ночью проходила в рассказах.

А по утрам погонщики поднимали верблюдов.

И, звеня бубенцами, караван неторопливо брел по пустыне.

От колодца к колодцу...

Шли годы.

Мухаммед женился на своей хозяйке Хадидже.

Он по-прежнему водил караваны.

Но его интерес к еврейскому Писанию не слабел.

Напротив.

В душе Мухаммеда все сильней и сильней напрягались какие-то струны.

И однажды они зазвучали.

В пещере, где имел обыкновение уединяться Мухаммед, ему явился архангел Гавриил.

Архангел вознес Мухаммеда к Божьему престолу.

И Мухаммед увидел поразившую его надпись:

«Нет Бога кроме Аллаха и Мухамед – пророк его!»

Так потрясенный араб узнал, что Бог назначает его своим посланником на земле.

С этого дня началась проповедь Пророка.

- Бог один! – говорил он своим соплеменникам. – Это Бог Священного писания,

Бог Авраама и Моисея!.. Бог руководит людьми по своей воле и требует совершенного подчинения!..

- Нельзя медлить с обращением! – возвещал Пророк. – Ибо скоро наступит суд Аллаха, и какой суд!
- Небо поколеблется в тот день, и горы сдвинутся с мест своих. Горе тогда неверующим!

В простых ритмичных строках Мухаммед призывал язычников-арабов признать власть единого Бога.
Забыть своих племенных идолов, забыть жестокие обычаи и кровавые обряды.
Жить по новым правилам, которые он – Пророк – возвестит им.
Мухаммед проповедовал Ислам – «покорность Богу».

Печально, но жители Мекки – родного города Пророка – оказались глухи к его проповеди.
И Мухаммеду пришлось перебраться в Ясриб – Медину, где было много соплеменников его помощника Мухнарика.
Мухаммед рассчитывал на их признание.
Ведь его учение, как он считал, восстанавливает древнюю веру Авраама.

Сначала так и было.
Евреи помогли Мухаммеду укрепиться в Медине.
Но потом стало ясно: они вовсе не спешат изменять своей вере ради Ислама.
Начались распри.
И, в конце концов, еврейские племена были изгнаны из Медины.

С ними, наверное, ушла и семья Мухнарика.

Но пламя ночного костра не забылось.
И вскоре было установлено, что «люди Писания», то есть иудеи и христиане, не подлежат насильственному обращению в ислам.

Мухаммеду повезло.
Он вернулся в родной город – священную Мекку.
Он сумел убедить арабов в правоте своего Слова.
Он увидел, как разнородные племена превращаются в единый народ, верный одному Богу и его Пророку.

А после смерти Мухаммеда его ученики понесли зеленое знамя Ислама за пределы Аравии.
«Аллах велик!».
И горе тому, кто не внимал этому зову.
Язычники подлежали обращению в Ислам.
Или истреблению.
Вдохновленные откровениями Пророка, воины Ислама стали завоевателями мира.
Одна за другой покорялись арабам страны, лежавшие на пути их конницы.

Сирия... Египет... Палестина...

Через сто лет арабская империя простиралась от Индии на востоке до Испании на западе.

И тут произошло чудо.

Звон клинков угас.

Но рожденная Мухаммедом энергия бурлила в арабах.

И кочевники пустыни потянулись к ...философии, математике, астрономии.

К звездам и мудрости...

Но где ее взять – эту мудрость?

Большая часть греческих сочинений была к тому времени утрачена.

А греческий язык забыт.

Всеми, кроме евреев.

В их библиотеках хранились эллинские книги – и в оригиналах, и в переводах на сирийский язык и иврит.

Образованные евреи свободно изъяснялись и на персидском, и на латыни.

И, конечно, на арабском.

И им еще раз было сказано: - Говори!

В конце восьмого века халиф – повелитель правоверных – основал в Багдаде

«бет Аль-Хикма», «Дом мудрости».

Здесь вполне могли работать внуки моего предка Мухнарика.

Они пересказывали на арабском Аристотеля и Платона, Евклида и Птолемея.

Они знакомили арабов с наследием Асклепия и Пифагора.

Они учили их греческой рассудительности.

Учили и учились сами.

Вместе с арабами евреи открывали для себя мир философии и мир науки.

Вместе с арабами они становились философами и врачами, математиками и поэтами.

Так начинался золотой век исламской культуры.

Эта культура была для всех людей и на все времена..

Она дала миру философов аль-Фараби и Аверроэса, врача Абу Али Ибн Сину (Авиценну), математика аль-Хорезми.

Она дала миру алгебру и химию,

«арабские» цифры,

карту звездного неба и величину географического градуса.

Она дала миру Низами и Омара Хайяма.

А на небе сияют «арабские» звезды.

Альтаир... Альдебаран...

А по морю гуляют «баржа» и «галера»...

И «муссон» ударяет в «бизань»...
И эскадру ведет «адмирал»...

Арабские понятия – арабские слова.

А тем временем рядом просыпалась Европа.
Кончалась ночь варварства.
И дух беспокойства овладевал людьми.
Возле соборов поднимались университеты.
Открывались двери монастырских библиотек.
И из разных концов халифата в Неаполь прибывали евреи –
ученые и переводчики.
Их выписывал император римский и германский Фридрих Второй.
Просвещенный правитель требовал от них того же, что и арабы.
Передачу эстафеты греческой мудрости и гуманизма.

Светили лампы... скрипели перья...
Еврей Ибн Дауд переводил на латынь греческие и арабские книги.
Это он впервые ввел арабские цифры и число «нуль» в европейскую
математику.
«Элементы» Евклида, «Логика» Аристотеля, сочинения Платона и
Софокла звучали теперь на языке святейшей римской церкви.
Европа снова открывала для себя культуру Античности.

Что это – совпадение или просто случайность?
Но именно в тех городах Италии, где ученые евреи переводили греческих
классиков на латынь,
где они преподавали христианам древний язык Библии,
впервые вырвались на волю простые и трогательные строки Петрарки:

Благословен день, месяц, лето, час,
И миг, когда мой взор те очи встретил!
Благословен тот край, и дол тот светел,
Где пленником я стал прекрасных глаз.

Италия заговорила о человеке и на человеческом языке.
Словами и красками она возвысила земную красоту до небесной.
И в Книгу Жизни записала истину, которую смутно провидели мудрецы
древности:
«Человек – мера всех вещей!».

Неисповедимы пути Господни.
Может быть, и правда, есть некая связь между куполом Брунеллески,
фантазиями Леонардо и скромным костром в аравийской пустыне.
И не то велением, не то просьбой:
-Говори, иудей!

В ПОИСКАХ ИУДЕЙСКОГО ЦАРСТВА

Моя семнадцатая свеча горит в 1492 году.

“Острова ждут моего сигнала, и прежде всего кораблей, которые привезут издалека твоих сыновей...”

Пророк Исая

Своим семнадцатым предком я выбираю Луиса де Торреса.
Крещеного еврея.
Переводчика Христофора Колумба.

Я вижу его на палубе «Санта-Марии».
Кутаясь в плащ, он смотрит туда, где медленно гаснут звезды.
Где разгорается рассвет.
Где осталась Испания.

Де Торрес любил Испанию.
Любил ее выжженную зноем землю.
Ажурную красоту ее городов.
Плеск фонтанов и осеннюю зрелость виноградников.
Он любил мудрость ее стариков.
И горделивую поступь женщин.
Он любил ее просто так – ни за что.
За то, что она Испания.

Тысячи лет его предки жили в этой стране.
Они называли ее Сфарад.
Испанские евреи строили здесь дома и сажали сады.
Они дали миру врача и философа Моше бен Маймона
и поэта Иехуду Ха-Леви.
Они были астрономами и математиками.
Торговцами и послами Испании в далеких странах.
Они считали себя солью этой земли.

И вдруг...

В 1483 году Великим инквизитором Испании был назначен Торквемада.
«Сатана в человеческом облике», - как называли его евреи.
Он был решителен и жесток.
Вся его тупая энергия была подчинена одной цели: искоренению
«иудейской заразы».
Год за годом твердил он королям Фердинанду и Изабелле:
евреям не место в Испании!
Он врывался в королевские покои с крестом в руке.
Он грозил проклятием.
И Фердинанд и Изабелла сломались.

Они забыли, что их брак устроил еврей Авраам Сеньор,
королевский казначей.
Что крещеный еврей де Сантанель был канцлером Арагона,
а Пабло де Санта Мария – воспитателем наследного принца.
Что министр финансов Ицхак Абраванель предлагал им фантастическую
сумму – лишь бы они оставили евреев в покое.
Ненависть и тупость оказались сильнее.

Королевский декрет был подписан 31 марта 1492 года.
Испанские евреи должны были принять католичество.
Или покинуть страну.

Большинство евреев выбрало изгнание.

Они вышли в плаванье в начале августа, с разницей в один- два дня:
«корабли отчаянья»
и каравеллы Колумба.
Одни – в поисках пристанища.
Другие - нового пути в Индию, «на Восток через Запад».

Было утро второго дня плавания.
Дул ровный ветер, и скрип снастей не нарушал тишину.
Тем неожиданнее было то, что услышал де Торрес.
Сначала неясный шелест...
Потом бормотанье...
Потом слитный гул множества голосов:
- Да возвысится и освятится Его великое имя в мире, сотворенном по воле
Его!..

Утренний туман поднимался над морем.
Все видимое пространство покрывали корабли.
Они расходились веером: большая часть – на юг, меньшая – на север.

- ...и да возрастит Он спасение, и да приблизит Он приход Машиаха
своего!..

На уходящих кораблях пели «Кадиш».
Еврейскую поминальную молитву.
Испанские евреи отпевали себя...

А плавание между тем продолжалось.
На Канарских островах маленькая эскадра запаслась водой, дровами и
съестными припасами.
И, подняв все паруса, устремилась на запад.

Теперь впереди был только неизведанный океан.
И верная гибель, как считали матросы.

И только адмирал был спокоен.

Снова и снова рисовал он матросам заманчивые картины сказочно-прекрасных стран.

Обещал им земли, драгоценные камни и золото – все, что могло воспламенить воображение простых людей, жаждущих обогащения.

Разве не то же самое сулил он их королевским величествам? – спрашивал себя де Торрес.

С какой горячностью доказывал Кристобаль Колон возможность «попасть на Восток через Запад, проехать западным путем в землю, где растут пряности».

И все-таки вряд ли бы он добился удачи, если бы смелый замысел не поддержали арагонский канцлер де Санталья и государственный канцлер Санчес.

Немало усилий к тому, чтобы убедить Фердинанда и Изабеллу в необходимости этого шага, приложил королевский казначей дон Авраам Сениор.

А дон Луис де Сантахель соглашался вложить 17 тысяч дукатов в эту безумную затею.

Все они были марранами - крещеными евреями.

В Гранаде – городе, получившем свое название по имени еврейского квартала «Гарнатха Аль-Яхуд», сегодня стоит памятник Изабелле и Христофору Колумбу.

Коленопреклоненный Колумб принимает из рук королевы письмо с высочайшим повелением совершить экспедицию к берегам Индии.

В его распоряжение было предоставлено два судна.

А третье снарядили богатые судовладельцы из Палоса – братья Пинсоны. Оба они были из «новых христиан».

Так называли евреев, которые спаслись от преследования инквизиции переменной веры.

Старший брат, Мартин Алонсо Пинсон, стал капитаном каравеллы «Пинта».

А младший, Винсент Янес Пинсон, управлял самым маленьким кораблем – «Ниньей» («Деткой»).

Сам Колумб вел флагманский корабль «Санта-Марию».

Прошло тридцать три дня с тех пор, как маленькая флотилия покинула Канарские острова.

А земли все не было видно.

Команда начала роптать...

Эту ночь адмирал не спал.

Де Торрес видел, как пристально всматривается он во тьму.

Как взволнованно кружит по крохотной палубе.

Моему предку тоже было не до сна.
Возвращение кораблей означало бы крушение планов не только адмирала,
но и тех, кто способствовал экспедиции, кто снаряжал ее в путь,
кто связывал с ней свои тайные надежды.

Испанские евреи давно предчувствовали изгнание.
Они понимали, что и крещение даст только временную отсрочку.
Торквемада не успокоится, пока последний марран не будет сожжен.
Чего же ждали евреи и марраны, измученные погромами и кострами,
от экспедиции Колумба?

Мне кажется, я догадываюсь об этом.

Давным-давно среди евреев Испании ходили легенды о пропавших десяти израильских коленах.
Когда-то они ушли из земли обетованной, и след их затерялся во времени.
Но ведь где-то же они осели?
Евреи Испании были убеждены, что в Азии существуют земли и страны,
где правят евреи.
Именно этой надеждой они и жили.
«Если бы я знал, что есть у нашего народа свое царство на земле, я оставил бы свое высокое положение... и шел бы по горам и долинам, по суше и по морю, пока не пришел бы в то место, где живет господин мой, царь иудейский.
Я увидел бы, как живет спокойно остаток Израиля, и тогда я излил бы свою душу в благодарностях Богу, который не отнял своего милосердия от бедного народа своего» – писал один из них.

Планы Колумба отражали сокровенные мечты иудеев.
Знал ли Колумб об этих надеждах?
Не знаю...

Ореол таинственности окружал этого человека.
Говорили, будто он, хотя и родом из Генуи, на самом деле происходит из семьи испанских марранов – крещеных евреев.

Другие называли местом его рождения испанский остров Мальорку.
Но ведь известно, что Мальорка поставляла мореходам Европы лучшие, точнейшие карты.
А картография и космография испокон веку были в Испании еврейским занятием.

Не странно ли, что и сам Колумб вел свой род прямо от царя Давида?
И что он не взял в плавание ни одного священника?
Зато взял Луиса де Торреса – переводчика с арабского и ...иврита?
Кого же он надеялся встретить в далекой Индии?

И почему в его дневниках так часто встречается стих из любимого им пророка Исая:
«Острова ждут моего сигнала, и прежде всего кораблей, которые привезут издалека твоих сыновей»?..

Наступил пятьдесят восьмой день плавания.
Корабли шли на Запад, не сбавляя хода ни днем, ни ночью.
Но горизонт был по-прежнему пуст.
Люди переходили от надежды к отчаянию.
Ропот сменился возмущением.
И, наконец, 10 октября матросы заявили, что дальше не двинутся.

Луис де Торрес знал, что пойдет с адмиралом до конца.
У него не было выбора.
Он с самого начала был посвящен в тайные планы экспедиции.
Он свято верил в ее цель.
Ради нее, чтобы не лишиться места в экспедиции, он перед самым плаванием принял крещение.
Он расстался с близкими, со своим народом, чтобы найти на земле место, где они смогут соединиться вновь...
Навсегда.
В стране иудейского царя.
В Индии.

Наступившая ночь покрыла море мраком.
Быстроходная «Пинта» по-прежнему держалась впереди адмирала.
Кристобаль Колон ни на минуту не покидал капитанского мостика.
Он до боли в глазах всматривался в горизонт.
В ночном тумане ему чудились вдали какие-то огни.
Они то мерцали, то гасли, то вспыхивали вновь.
Затем огни исчезли, и адмирала вновь охватила тревога.

Так корабли плыли до двух часов утра.
Никто не смыкал глаз.
Вдруг с «Пинты» раздался голос матроса Родриго де Триана:
- Земля! Земля!

И было утро.
Яркий солнечный день 12 октября 1492 года.
С кораблей спустили шлюпки.
И они понеслись по сверкающей глади – навстречу долгожданному берегу.
Первым на песок спрыгнул де Торрес.
- Шалом! – сказал он на иврите туземцам.
И повторил по-арабски:
— Салям!

Туземцы оробело молчали.

И тогда он отчетливо и внятно произнес слова древней молитвы:
- Шма, Израэль! Адонай элохэйну, Адонай э-хад!... Слушай, Израиль!
Наш Бог един! Люби Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою...

Туземцы молчали.

Вперед выступил адмирал.

Он воткнул в песок древко королевского флага и объявил новую землю
владением Испании.

«Да, вот здесь я собираюсь создать новое небо и новую землю»

Пророк Исая.

Так получилось.

Колумб и де Торрес не дошли до Индии.

И не нашли страну, где правит царь иудейский.

Но пройдут века, и новая земля, открытая ими, станет Новым Светом
для миллионов людей.

Они придут сюда в поисках лучшей доли.

В надежде на свободу и справедливость.

Немцы... англичане... итальянцы... французы... русские... и евреи...

Они построят новую жизнь под новым небом.

Впрочем, это уже другая история.

А Луис де Торрес привез в Испанию кукурузу и табак.

учиться!

Моя девятая свеча горит у берлинских ворот Розенталер.
Это были одни из тех двух ворот, через которые пропускали в город скот и евреев.

Однажды утром, двести семьдесят лет назад, стражников разбудил чей-то неуверенный стук.

Перед воротами стоял бледный, худой, горбатый мальчик в потрепанной одежде.

На вопрос: кто он и зачем идет в город? – мальчик, сильно заикаясь, назвал себя: Моше бен Менделе Хейман.

И произнес одно единственное знакомое ему немецкое слово: «Lernen».

- Учиться? – переспросил таможенный чиновник. – Ну-ну... А ты можешь заплатить входную пошлину?

И отобрав у мальчика последнюю монету, стал заполнять таможенный документ:

- Моше – это, наверное, Моисей... Бен Мендель – сын какого-то Менделя...

Значит, быть тебе Моисеем Мендельсоном!..

И стражники открыли ворота.

Знали бы они, что вместе с маленьким горбуном в немецкий город, в немецкий мир, в немецкую культуру входят тысячи еврейских мальчиков, одержимых одним желанием:

«LERNEN!»

Учиться!

Эти мальчики жили в маленьких немецких городах.

Они были детьми ремесленников, мелких торговцев, переписчиков Торы.

Детьми гетто.

Отверженными.

Средние века сделали свое дело.

Инквизиция и религиозные войны превратили некогда гордый и просвещенный народ в племя изгоев.

Евреи были бесправны, бедны и гонимы.

В лучшем случае их старались просто не замечать.

Что же им оставалось?

Евреи еще глубже уходили в свои обычаи и обряды, в схоластическое толкование не только каждого Богоданного слова, но и каждой буквы Завета.

Все остальные знания мира не стоили внимания.

В том числе и немецкая культура. И немецкий язык...

Так что интересы маленького Моше простирались на два-три километра в пределах его родного городка и на шесть тысяч лет в прошлое.

До поры, до времени юный Моше, сын Менахема Менделя, искренне считал, что это и есть весь мир.

Его мир.

Но все изменилось, когда Моше исполнилось четырнадцать лет.
Его любимый учитель, знаменитый раввин Давид Френкель, был приглашен в Берлин.
Он должен был возглавить Талмудическую академию.
И любознательный подросток пешком отправился за своим учителем.
Вот так Моше, сын Менделя, оказался перед воротами Розенталер и превратился в Моисея Мендельсона.

Маленький горбун ступил на берлинскую землю.
И словно попал на другую планету.
Здесь люди читали не только Библию.
Книги по истории, книги по географии, книги по математике.
Здесь выходили газеты с новостями со всего света.
Здесь издавались журналы, откуда можно было узнать мнение ученых людей касательно литературы и философии.
Здесь были театры.
Здесь была музыка.
Здесь был огромный, но закрытый для большинства евреев мир.
И заслуга Моисея Мендельсона в том, что он сумел подобрать к этому миру ключ.
Ключом стало то самое слово, которое юный Моше произнес у городских ворот:
- Lernen! - «Учиться!».

Трудно себе представить, с какой жадностью набросился маленький Мендельсон на учебу.
Сколько сил оказалось в этом хилом теле!
Немецкий язык и литература.
Математика и философия.
Латынь, греческий, английский, французский, итальянский.
И даже бухгалтерское дело.
Кстати, это дело и стало «куском хлеба» Моисея.
Без особых усилий он стал бухгалтером, а потом и совладельцем шелковой фабрики.
Здесь он зарабатывал на жизнь, но сама жизнь была посвящена другому.

Моисей Мендельсон был похож на человека, которому первый раз в жизни разрешили заглянуть в телескоп.
И назвали имена сияющих в небесных высотах звезд.
Вот звезда Аристотеля... Вот звезда Платона... Вот звезда Галилея...
Вот звезды Леонардо... Ньютона... Кеплера...

Чем пристальнее всматривался Мендельсон, тем отчетливее различал он и светящие всему миру еврейские звезды.
Звезду врача и философа Маймонида... звезду поэта Галеви...
Создателя «Каббалы» Моше де Леона...
Философа Баруха Спинозы...

Мендельсон понимал, что этих звезд было бы неизмеримо больше, если бы не слепое невежество, если бы не корыстная власть предрассудков. Если бы не стена отчуждения, возведенная усилиями обеих сторон. В этой стене должна быть пробита брешь! И маленький горбун начал свою войну.

Его первое выступление в немецкой прессе было ответом на антиеврейские статьи в прусских газетах. «Нас не только ненавидят и презирают, - писал Мендельсон, - но возводят на нас ложные обвинения и клевету, чтобы оправдать жестокие преследования... Но не посягайте на то, в чем мы неустанно черпали силы и утешение в наших тяжелых испытаниях – моральную нашу чистоту и духовную мощь...».

Мендельсон сознавал, что мир стоит на рубеже Нового времени. И достойное место в этом времени евреям удастся занять, только если государства будут лишены своего религиозного характера. «Государству не должно быть дела до религии своих граждан, и различие веры не должно служить препятствием к использованию гражданских прав. Девизом государства должны быть веротерпимость, свобода совести и мысли». Эту идею Мендельсона Иммануил Кант назвал «провозвестницей великих реформ не только для еврейской нации, но и для других народов».

У молодого философа оказался острый ум и прекрасный литературный вкус. Он пишет статьи на морально-политические и этические темы, а также литературно-критические заметки. На прекрасном немецком языке он подвергает разбору и критике поэтические опыты короля Фридриха Великого. Более того, еврей Мендельсон осмеливается выступить в защиту... немецкой литературы от нападков все того же «просвещенного монарха». Король этого не простил. Дважды он вычеркивал имя Мендельсона из списка новых членов Прусской Академии.

Мендельсону повезло. Его светлый ум, его чистый характер с первых лет в Берлине привлекли к нему симпатии самых благородных людей Германии. Друзьями Моисея стали математик Лейбниц и философ Кант, писатель Виланд, естествоиспытатель и путешественник Александр Гумбольдт. Мендельсон дружит с Готгольдом Лессингом, знаменитым немецким драматургом и теоретиком литературы.

Именно Лессинг издал «Философские разговоры» – первое крупное произведение Мендельсона на немецком языке.
И именно влиянию Мендельсона обязана своим рождением знаменитая драма Лессинга «Натан Мудрый» – горячая проповедь веротерпимости и человечности.

Все знали, что прототипом для героя Лессинга послужил его друг, наследник богатой и древней культуры.
Для неевреев Моисей Мендельсон стал примером того, чего могут достичь евреи, если им предоставить возможность правовой и интеллектуальной свободы.

Но Мендельсон понимал: брешь, пробитая им в стене отчуждения, выведет евреев из гетто, только если они сами захотят этого.
А выйти из гетто необходимо.
Чуткое ухо философа слышало рокот наступающих перемен.
А внутренний взор словно проникал сквозь завесу времени.

Туда, где толпа штурмовала Бастилию.
Где города сдавались босоногой армии Бонапарта.
Где мерцал свет факелов.
И молодые генералы выкрикивали звенящие строки манифестов.
- Свобода! Равенство! Братство! Религиозная терпимость!

Девятнадцатый век возвращал евреев в русло всеобщей истории.
Еврейские волонтеры шагали под знаменами Гарибальди.
Прусские евреи вместе с Бисмарком сражались за объединение Германии.
Евреи становились министрами и мэрами столиц.
Крупными промышленниками и Нобелевскими лауреатами.
Интеллектуальным авангардом, который формировал лицо Европы.

Этот прорыв был бы невозможен без титанических усилий «еврейского Сократа».
Моисей Мендельсон был убежден в необходимости еврейского Просвещения.
Он чувствовал, что интеллектуально евреи живут в средневековье, в то время как мир ушел далеко вперед.
И никакая свобода невозможна без культурной эмансипации.

Но овладение европейской культурой, утверждал Мендельсон, не означает растворения в ней.
Мендельсон был противником ассимиляции.
Можно быть открытым всем веяниям современного мира, считал он, но оставаться евреем.
Владеть всем духовным богатством, накопленным человечеством, - и блюсти Закон.
Чтить Тору – и сострадать актеру на сцене... и замирать перед живописным полотном... и растворяться в чарующем плеске музыки...

Орудием внутреннего освобождения евреев Мендельсон считал немецкий язык.

Он полагал, что, когда евреи овладеют этим языком, они начнут читать светские и научные книги.

И он сделал смелый шаг.

Перевел Пятикнижие и Псалмы на простой и красивый немецкий язык.

Напечатанные еврейским шрифтом, эти переводы были доступны и для тех евреев, которые не умели читать по-немецки.

Предположение Мендельсона оправдалось.

Начав с Торы, еврейская молодежь постепенно углублялась в немецкую науку, математику, литературу.

И когда по всей Европе стали рушиться стены гетто, на свободу вышло поколение, готовое к восприятию всех достижений современной цивилизации.

Поле, обработанное Мендельсоном, дало крепкие всходы.

И снова я вспоминаю то давнее утро у ворот Розенталер.

И маленького хилого горбуна, знавшего только одно немецкое слово:

«Lernen» – «Учиться!».

Стражники, пропустившие в город мальчика, не разглядели в утренней дымке длинную вереницу других еврейских подростков, очарованных той же заманчивой мечтой.

След в след за Моше бен Менделем шли Карл Маркс... Зигмунд Фрейд...

Альберт Эйнштейн...

Гейне и Кафка...

Пруст и Мандельштам...

Шагал и Модильяни...

Великие мыслители.

Великие ученые.

Великие музыканты.

Достояние человечества.

БОЛЬШОЙ ВАЛЬС

Моя четвертая свеча горит в Голливуде.
Я зажег ее в память о человеке, который вполне мог бы быть моим
троюродным дедушкой.
Он родился в Белоруссии, откуда родом моя мама.
И был на двадцать восемь лет старше ее.
Звали его Лазарь Меир.
Я обязан ему одним из самых счастливых воспоминаний моего
детства.

Гас свет в нетопленном зале.
Пар от нашего дыхания клубился в луче проектора.
На экране рычал лев, окруженный киноплёнкой.
А потом...
Цокали копыта по аллеям Венского леса.
Где-то звучал почтовый рожок.
Ему вторила окарина в руках кучера.
Мелодию подхватывал женский голос.
Она росла, наполнялась веселой силой.
И вот уже вся Вена танцевала под волшебную музыку Штрауса.
Она лилась с экрана в холодный зал.
Она манила обещанием другой, лучшей жизни.
И даже я, эвакуированный пацан, понимал: все пройдет!
Война, холод, нужда, разлука – все обязательно кончится.
Но останется эта музыка... останется красота... останется надежда...

В сорок третьем году в Омске шел фильм

«БОЛЬШОЙ ВАЛЬС».

Прошло время.
И я узнал, что своим детским впечатлением я обязан голливудской
компании «Метро-Голдуин-Майер».
И что одним из создателей этой киноимперии был Луис Майер.

Тот самый Майер, который родился в Минске и которого в детстве
звали Лазарем Меиром.

Он был из «черты оседлости».
Из тех евреев, которые были осуждены на нищету, унижения и вечное
ожидание погрома.
«Если это жизнь, то что такое смерть?» – спрашивали они себя в песне
о больном портняжке.

Но была у них одна неизбывная, почти сказочная мечта.
Америка!
Страна, где реки текут молоком и медом.
И где последний еврей может чувствовать себя человеком.

Ржавые пароходы везли их путем Колумба.
В тесных и душных трюмах.
Старых и малых – вповалку.
Швыря с волны на волну.
Пока над горизонтом не вздымалась рука с горящим факелом.
И их глаза не различали на пьедестале слова еврейской поэтессы Эммы Лазарус:

«Дай мне усталых, бедных, сбившихся в кучу, с мечтой
о свободном дыхании людей... Пришли ко мне их
бездомных, гонимых бурей... Я поднимаю фонарь над
золотой дверью...».

Они приплывали в Америку без гроша.
Все их пожитки умещались в маленьком узелке.
Они жили в трущобах, брались за любую работу.
Но покупали своим детям книги.
И обязательно посылали их в школы.
Чтобы всего через жизнь одного поколения дети мелких торговцев,
дешевых портных, разносчиков и сборщиков старья стали юристами и
врачами, инженерами и известными музыкантами, учеными и
профессорами университетов.

Такая же судьба постигла и моего предка.
Луис Майер – так Лазарь стал зваться в Америке – начал со сбора
утильсырья.
Но дальше все было как в волшебной сказке.
Однажды юный принц нашел приличную сумму денег в кармане брюк,
сданных в утиль женой бостонского банкира.
И – слушайте! слушайте! – вернул деньги хозяину.
Потрясенный честностью юноши, банкир устроил его в местный
кинотеатр.

О, «Синема»! «Синема»!
Черные тени на белом экране!
Всадники на горячих конях!
Спасение в последнюю минуту!
И поцелуй в диафрагму!..

Лазарь-Луис сразу же понял: это его мир!
В первых, еще робких шагах киноребенка он разглядел взрослые черты
«Великого немого».
Это дитя может приносить доход!

И Луис Майер решился на смелый шаг.
Заняв деньги у родных и друзей, он купил собственный кинотеатр.
Предчувствие не обмануло его.
Зритель повалил в кино, как на ярмарку.
Скоро, очень скоро Луис расплатился с долгами.
Потом купил еще один кинотеатр.
Еще один...
Через несколько лет ему принадлежала целая сеть «Электрических театров» на Восточном побережье.

Но настоящее благополучие пришло к Луису Майеру с фильмом «Рождение нации».
Майер выкупил у его создателя, Дэвида Гриффита, права на демонстрацию этой великой ленты.
Фильм был непростым.
С гениальной силой воспевалась в нем романтика Ку-Клус-Клана.
Это его «рыцари» мчались на быстрых конях, чтобы в последнюю минуту придти на помощь благородным героям.
Это они ставили на место зарвавшихся чернокожих.
И Америка аплодировала победе «белого дела»...

Может быть уже тогда Луис Майер понял: послание, идущее с экрана не всегда несет благую весть.
А это неправильно.
Кино должно быть учителем справедливости и добра.
Оно должно внушать людям простые истины.
Те самые, в которые верил сам Луис Майер.
Нужно уважать своих родителей.
Нужно беречь семью.
Нужно быть преданным своей стране.
Нужно быть благородным в любви.
И нужно не желать другому того, чего не желаешь себе...

Увы!
Большинство фильмов в те времена были сделаны холодными руками на потребу самым непритязательным вкусам.
И Луис Майер принимает очередное смелое решение: самому делать то, что он считает нужным.
Снимать фильмы!
Нет, его не привлекает слава режиссера.
Он метит выше!
Луис Майер мечтает о карьере продюсера: человека, который нанимает и режиссера, и сценариста, и актеров, чтобы они сделали задуманный им фильм.
Сказали с экрана то, во что он верит.

Он находит деньги, и в 1915 году на собственной студии в Нью-Йорке снимает свой первый фильм.
Это был далеко не шедевр.
Сейчас мало кто помнит сюжет «Большого секрета».
И благородного героя, который спасал свою возлюбленную из рук таинственных иностранных злодеев.
Но тогда публика и плакала и смеялась в нужных местах.
И исправно несла в кассы кинотеатров свои центы.
Фильм окупился.
Так же как и следующий.
Имя Луиса Майера стало известным в кругах, готовых вкладывать деньги в развитие кинобизнеса.

Но наступил 1918 год.
Все Восточное побережье было охвачено эпидемией «испанки».
Луис Майер боялся за своих дочерей.
Но дело было не только в этом.
Здесь, на Востоке Америки, евреям разрешали делать свой бизнес.
И даже богатеть.
Но относились к ним как к чужакам.
Антисемитизм не считался здесь смертным грехом.

И вот в это самое время с далекого Запада стали доходить вести о сказочном кинематографическом рае.
Рай находился в солнечной Калифорнии.
«Остролиственный лес».
Голливуд.
Так называлась эта благословенная точка на карте.
Из Лос-Анжелеса сюда можно было доехать на трамвае.
И попасть в пустыню, заросшую кактусами.
Здесь ютились скромные домики-бунгало.
И триста пятьдесят дней в году светило солнце.
И Луис Майер вместе с чадами и домочадцами отправился осваивать это благодатное место.

Первые декорации строились прямо в пустыне.
Городки Дикого Запада из фанеры.
Японские храмы из картона и рисовой бумаги.
Французские деревушки из папье-маше.
И прямо в песке рыли окопы Первой мировой.
Здесь, в Голливуде, Луис Майер поставил «Большой парад» - романтический, героический и горький фильм о недавней войне.
Фильм не спрашивал: «Почему существуют войны?»
Он просто рассказывал о судьбе человека, на глазах которого погибли друзья.
Который потерял ногу и оказался лишним на родине.
И которому оставалось только одно: верить в любовь!..

«Большой парад» не устарел и сегодня.
Он по-прежнему трогает свой искренностью и человечностью.

По нему студенты учатся искусству кино.
Но в двадцатые годы прошлого века у этого фильма был соперник.
«Супербоевик» того же Майера – «Бен-Гур».
Вот где раскрылась вторая сторона его характера:
деловой размах.
- Не жалеть денег!
- Не жалеть пленки!
- Не жалеть труда!
Для съемки «Бен-Гура» Майер построил настоящий флот.
Десятки римских галер!
Две с половиной тысячи гребцов!
А грандиозная арена для гонок колесниц!
Пять тысяч статистов и десять тысяч подвижных манекенов!
Этот сенсационный эпизод снимали сорок две камеры!

В это время Луис Майер был уже вице-президентом «MGM».
Крупнейшей голливудской студии «Метро-Голдуин-Майер».
И каждый фильм начинался известной всему миру заставкой:
головой рычащего льва в кольце из кинопленки.

На кого рычал лев?
Может быть, на конкурентов?
Кино становилось индустрией.
И капиталы нью-йоркских кинобоссов перетекали в Голливуд.
А вместе с ними ловкие и предприимчивые ловцы удачи.
Многие из них, подобно самому Майеру, были евреями-иммигрантами.
Самуэль Голдфиш из России.
Адольф Цукор из Венгрии.
Роберт Шейк из Рыбинска.
Братья Уорнер из Польши.
Все они начинали с «ничего».
Торговали одеждой.
Были подмастерьями у меховщика.
Тачали обувь.
В лучшем случае рекламировали велосипеды.
И у всех у них хватило ума и мужества доверить свою судьбу игре
теней на экране.
Судьба оказалась к ним благосклонной.
Здесь, в Голливуде, они стали основателями и владельцами
крупнейших студий.

«Парамаунта».
«Универсала».
«Уорнер Бразерс».
«XX Век-Фокс».

Что принесли евреи в американское кино?

Свою любовь к справедливости.
Свою веру в чудесное.
Свою надежду на то, что все будет хорошо.
И добро в конце концов победит зло.
Из этого сплава веры, надежды, любви в павильонах и натуральных площадках Голливуда рождалась «Американская мечта».
То самое представление о стойкости и жизнелюбии, которое помогло самим американцам победить Великую депрессию.
И которое с такой силой воплощено в фильме «MGM» «Унесенные ветром».

В этом фильме дебютировала Вивьен Ли.
Вчерашняя пансионерка.
Приглашая ее на главную роль, Майер рисковал.
Но риск был козырной картой в конкурентной борьбе.
Майер верил: фильм «делают» актеры!
Одним из первых Луис Майер ввел в кино систему «кинозвезд».
Он умел искать и находить их.
У него был настоящий дар «астронома».
В 1924 году в Берлине он увидел девятнадцатилетнюю шведскую актрису.
Через несколько лет она стала Гретой Гарбо – звездой первой величины в созвездии Майера.
В смазливом статисте он разглядел Рудольфо Валентино – идола немого кино.
Он заставил сиять звезду Кларка Гейбла – будущего героя «Унесенных ветром».
Он открыл Джуди Гарланд – девочку из «Страны Оз».
В его фильмах нашли свою славу Эва Гарднер и Фред Астер, Кэтрин Хэпберн и Спенсер Трейси.
У Майера снимались Ингрид Бергман, Элизабет Тейлор и Михаил Чехов.
Весь «Млечный путь» американского кинонебосклона!

А в 1937 году студия «MGM» отправила телеграмму бывшей певице киевской капеллы «Думка»: «Вы необходимы всего для одного фильма, Да или нет?».
- Да! – ответила Милица Корьюс.
И начались съемки «Большого вальса».

...Стучали копыта по брусчатке Венского леса.
Пел почтовый рожок.

Божественная Милица подхватывала мелодию.
И она согревала нас в холодном Омске.
Ей подпевали солдаты в жарком Тобруке.
Она заглушала вой сирен в туманном Лондоне.
И каждый, кто слышал ее, знал: все будет хорошо!

И еще одно я хочу сказать о моем названном предке.

Именно Луис Майер предложил создать Академию киноискусства.
И ежегодно награждать лучшие фильмы.
И вот уже почти целый век Академия вручает свои знаменитые
Оскары.
Век революций и войн.
Век великого обмана и великих разочарований.
Век Холокоста.
Но и век кино.
И если на этой планете все еще тлеет надежда, то это, наверное, и
потому что есть в мире волшебное зеркало.
И в этом зеркале отражаются «Человек дождя» и «Форест Гамп»,
«Вестсайдская история» и «Список Шиндлера», «Охотник на оленей»
и «Кто-то пролетел над гнездом кукушки».
В зеркале кино человек видит себя таким, каким он должен быть.

старый доктор

И вот наступает очередь последней свечи.

Я включаю свой старый проигрыватель, сдуваю пыль с диска.
И в двадцать первом веке меня догоняет горькая весть о том, что
случилось шестьдесят лет назад.

Пятого августа тысяча девятьсот сорок второго года.

В Варшаве.

«... А потом наступил такой день, когда «Дому сирот» – и детям, и
воспитателям – было приказано явиться с вещами на Умшлягплац (так
называлась при немцах площадь у Гданьского вокзала)...».

...Эшелон уходит ровно в полночь,
Паровоз-балбес пыхтит: «Шолом!»
Вдоль перрона строем встала сволочь –
Сволочь провожает эшелон...

А на Умшлягплаце, у вокзала,
Гетто ждет устало – чей черед?
И гремит последняя осанна
Лаем полиция: «Дом сирот!»

Звучит глуховатый голос Галича.

Время делает неприметный скачок, и с Варшавой прощается ее
прекрасное, ее несбывшееся будущее, ее надежда и оправдание.
Ее первая, ее единственная в мире Республика Детей.

Шевелит губами переводчик -
Глотка пересохла, грудь в тисках, -
Но уже поднялся старый Корчак
С девочкою Натей на руках.

Знаменосец – козырек заломом,
Чубчик вьется, словно завитой,
И горит на знамени зеленом
Клевер, клевер, клевер золотой...

Господи, как хочется верить, что это не просто предание!
Что вот так – красиво и гордо – они и уходили в свой последний поход!
Двести еврейских сирот.
Двести любимых детей Старого Доктора.

Старый Доктор.

Под этим именем Варшава знала Януша Корчака.
Педагога, писателя и просто доброго человека.

Он родился и вырос в интеллигентной еврейской семье.

И звали его Генрик Гольдшмидт.

О маленьком Генрике заботились, его учили, ему уделяли столько
внимания, сколько полагалось в те времена на детскую душу.

А кто скажет, сколько любви и тепла нужно ребенку, чтобы он не
чувствовал себя одиноким?

На сколько «что?», «как?» и «почему?» нужно терпеливо ответить, чтобы ребенок перестал быть сиротой в доме собственных родителей?

«Дети – люди великодушные, - писал позже Януш Корчак. – Абсолютно все они простят взрослому, даже бедность и плохую кормежку. Единственное, без чего дети по-настоящему не могут обойтись, так это любовь».

Так собственное детство отзывалось в книгах Януша Корчака.

И в его судьбе.

Он окончил университет, стал преуспевающим врачом, собирался обзавестись семьей.

Но детство не отпускало его.

Ему было всего пять лет, когда он спросил бабушку: - Что делать, чтобы не было грязных, оборванных и голодных детей?

Спустя годы, тот же вопрос он задавал себе.

Молодой врач спускался в сырые подвалы варшавской бедноты.

Карабкался на продуваемые ветром чердаки.

Видел, как умирают заброшенные, никому не нужные дети.

Возмущался эгоизмом и равнодушием взрослых.

И понимал: ему никуда не деться от любви и нежности к этим обездоленным маленьким человечкам.

В тридцать три года он уходит из медицины и становится директором Варшавского Дома сирот.

Легко ли быть отцом троих... пятерых детей?

А когда их больше сотни?

И когда всех надо одеть, обуть, накормить, согреть?

Когда надо учить – письму и арифметике, истории и географии?

И обязательно какому-нибудь ремеслу?

А они ведь разные: быстрые умом и бестолковые, пробивные и робкие, дерзкие до непослушания...

Когда надо в каждом Оське и каждом Моське разглядеть его золотое дно и заставить это золото блестеть?

Януш Корчак учился педагогике на ходу.

По утрам его будило дребезжание старого колокольчика.

И первой радостью каждого дня была заспанная физиономия какого-нибудь Оськи.

- Доброе утро! – говорил ему Старый Доктор.

И требовал в ответ:

- Улыбнись! Ну, улыбнись же!

Больше всего на свете он любил детскую улыбку.

Детство ребенка должно быть светлым и радостным!

Даже в Доме сирот!

«- Те, у кого не было безмятежного, настоящего детства, страдают всю жизнь» – считал Старый Доктор.
И он дарил свою любовь каждому Оське, и каждому Моське, и каждому Срулю.
И девочке Нате, которая не могла ходить, но зато очень хорошо рисовала и сочиняла песенки.

Я кораблик клеила
Из цветной бумаги,
Из коры и клевера,
С клевером на флаге.

Он зеленый, розовый,
Он в смолистых каплях,
Клеверный, березовый,
Славный мой кораблик!
Славный мой кораблик!

- Доброе утро! – говорил Старому Доктору рыжий Болек. – Доброе утро, пан Корчак!
И улыбался ему.
Он знал: его тоже любят.
А как же иначе!
Пусть он не умеет рисовать.
И не умеет сочинять стихов.
Пусть он даже огорчает всех своим озорством.
Старый Доктор понимает: детское озорство – это чаще всего неумелая и простодушная попытка ребенка обратить на себя внимание взрослого.
Сказать ему: - Посмотри! Вот я рядом с тобой! Я хочу, чтобы ты любил меня!

В Доме сирот никому не отказывали в любви.
Быть любимым – врожденная потребность ребенка.
Так говорил Старый Доктор.
И, по большому счету, только любовь и нужна для воспитания детей.

И понимание того, что ребенок – тот же человек, что и взрослый, только *маленький*.
Маленький – это не низкорослый, к которому надо нагибаться, чтобы снисходительно выслушать, что он там плачет.
Чтобы понять ребенка, чтобы любить ребенка, чтобы дотянуться до его мудрости, до его чувств, взрослому приходится вставать на цыпочки...

«Детей и взрослых нет, а есть просто люди».
Так писал Януш Корчак в книге « Как любить детей».
Он настаивал на глубочайшем уважении к личности ребенка, к его праву на собственное мнение, на собственные поступки, к его праву приобретать собственный опыт.
Он доверял детям.
И поэтому Домом сирот управлял свободно избираемый Сейм.

Он сам устанавливал законы Детской республики.
И сам следил за их исполнением.
Не делай никому зла!
Не обижай слабых!
Не жадничай!
Не ленись!
Не лги!

«Мне сказал один мальчик, покидая Дом сирот, - вспоминал Януш Корчак:
- Если бы не этот Дом, я бы не знал, что на свете существуют честные люди, которые не крадут. Не знал бы, что можно говорить правду. Не знал бы, что на свете есть правда».

Ну, а если кто-то нарушал правила Республики?..

Дребезжит колокольчик.
В Доме сирот идет суд.
Судят рыжего Болека.
Он обидел Марысю.
А это неправильно.
Это несправедливо.
Марыся девочка, и она слабее его.
Болек должен быть наказан. Но как?..

Судьи, конечно же, сами дети.
Они заседают открыто.
Каждый может прийти и сказать свое слово в защиту или в наказание Болека.
- Он не нарочно! –говорят одни.
- Его подговорили! –заступаются другие.
- Надо его простить! – предлагают третьи.
- А можно мне сказать? – спрашивает у высокого Суда разрешения пан Директор.
Пан Януш Корчак:
- Если кто-то совершил плохой поступок, лучше всего простить его...
Если совершил такой поступок, потому что не знал, что это плохо, теперь уже будет знать.
Если поступил плохо по привычке, постарается отвыкнуть.
Если совершил плохой поступок, потому что его подговорили, больше не послушается...

Рыжий Болек вытирает слезы.
Рыжий Болек просит прощения.
А Детский Суд колеблется: «Простить» или «Оправдать»?
Других приговоров в Доме сирот не знают...

Я вижу, как Старый Доктор прячет улыбку.
Рыжий Болек получил хороший урок.
Но и девочка Марыся тоже.
И девочка Бася.

И все его Оськи и Моськи.
Вот они вырастут.
И станут сапожниками, или часовщиками, или даже зубными врачами.
Но никто из них никогда не забудет того, чему его научил сегодняшний день.
- Да, каждому должно быть воздано по справедливости.
Но выше справедливости – милосердие.

А превыше всего – любовь и братство!

Как странно звучали эти слова в те жестокие времена!
Совсем рядом, в Германии, Гитлер освободил свой народ от «химеры-совести».
И внушил ему «образ врага».
И отравил ядом ненависти целое поколение.
В Европу вернулся ужас Средних веков.

А Януш Корчак говорил о любви и милосердии.
«Я никому не желаю зла, не умею, не знаю, как это делается»...

Догорает свеча Януша Корчака.
Я вспоминаю, как читал своей дочери «Короля Матиуша», самую светлую и печальную книгу Корчака.
О мальчике, которому больше всего на свете не хватало любви...
Читал и думал:
- Как рассказать ей о горькой судьбе, которую Старый Доктор разделил со своими воспитанниками?..

В сентябре тридцать девятого года в Варшаву вошли немцы.
Они согнали евреев в гетто.
Там же оказался и Дом сирот.

Почти три года провели дети в заключении.
Как они выжили в голоде и холоде... как метался Корчак в поисках еды для детей... как он находил силы учить их, играть с ними, рассказывать им сказки...
как он скрывал от них страшную правду, о которой догадывался...
Это отдельная история.

Пятого августа сорок второго года он повел своих детей в последний поход.

Говорят, перед погрузкой Корчаку предложили остаться.
Бросить детей?
Позволить, чтобы его Оська и Моська, Марыська и Баська одни, без своего Старого Доктора, вошли в дверь газовой камеры?
Януш Корчак только крепче прижал к себе девочку Натю.

Двести детей, три преподавателя и директор Дома сирот были сожжены в лагере смерти Треблинка.

Не знаю, есть ли сегодня маршрут из Варшавы в Треблинку.
Но рельсы, наверное, лежат по-прежнему.
И провода над ними гудят, как когда-то.
И по ночам из невидимых вагонов чуть слышен шелест:
- Мы вернемся...
- Мы вернемся...

Пусть мы дымом истаем над адовым пеклом,
Пусть тела превратятся в горячую лаву –
Но дождем, но травой, но ветром, но пеплом
Мы вернемся, вернемся, вернемся в Варшаву!

И они вернулись.
В Варшаву. В Москву. В Париж. В Иерусалим.
Чтобы жить в наших детях и внуках.
Чтобы каждый день, каждый час напоминать им:
мир держится не на ненависти, а на милосердии и любви!
Спасибо вам, Оськи и Моськи!
Марыси и Баси!
И вам, Старый Доктор!
За то, что и сегодня ваша несгоревшая душа настойчиво твердит нам:

Если вы хотите сделать человека чище, справедливее и добрее –
начните с ребенка!

Догорает последняя свеча...
И я думаю о том, что живу на краю Времени.
Здесь ветрено и тревожно.
И только корни удерживают меня.

Мои еврейские корни.
Только они дают мне силу верить, что все будет хорошо.
Что древо выстоит.
И крона будет шуметь.

И я зажигаю свечи в честь тех, кто будет жить после нас.